

⁹ См.: Международное право в избранных документах. Том 3/Составители Моджорян Л. А., Собакин В. К. М., 1957. — С. 371—389.

¹⁰ См.: Действующее международное право. Том 1/Составители Колосов Ю. М., Кривчикова Э. С. М., 1996. — С. 510—582.

Статья поступила в редакцию в декабре 1999 г.

КАК СТАЛИН ОТВАДИЛ МЕНЯ ОТ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Шел 1949 года. Мы, молодые международники, только что окончили МГИМО (Московский государственный институт международных отношений) МИД СССР.

Четверых с красными дипломами оставили по решению кафедры международного права и ученого совета института в аспирантуре. Я горжусь, что попал в компанию таких прекрасных молодых людей, которые впоследствии сделали очень много для родного государства и стали маститыми учеными или крупными государственными или партийными деятелями. Николай Мерзляков стал доктором юридических наук и много лет занимался преподавательской работой как в Советском Союзе, так и за рубежом. Он великолепно знал французский и, естественно, читал лекции в университетах Франции и франко-говорящей Африки.

Вадим Собакин много лет работал на руководящей работе в международном отделе ЦК КПСС, а в последние годы как доктор юридических наук возглавлял отдел международного права в аппарате Конституционного Суда новой России.

Владимир Хренов после защиты диссертации был приглашен на работу в органы государственной безопасности и сделал там головокружительную карьеру, дослужившись до поста руководителя аналитического отдела — генерала по чину и светлой головы по уму, которая умела анализировать сложнейшие данные разведки и делать из них такие выводы, что шли на пользу и государству, и народу, и внешней политике страны.

Четвертым был я. Первые два года в аспирантуре прошли гладко и в норме. “В норме” потому, что были сданы все экзамены кандидатского минимума и “защищены” на заседаниях кафедры — тогда такая “защита поглавно” широко практиковалась. Мой научный руководитель — профессор Всеволод Николаевич Дурденевский очень внимательно следил за ходом моей работы.

А тему диссертации я выбрал самую свежую — “Женевские конвенции 1949 года”. Они только что были подписаны, к ним было приковано внимание всей научной и политической общественности. Они распах-

вали ворота на новую стезю международного права — в международное гуманитарное право.

Написал “распахивали ворота” не случайно. Международное гуманитарное право существовало и ранее. В нем уже было немало международных документов, которые пытались и регламентировать действия государств в ходе вооруженных конфликтов, и облегчить участь как комбатантов, так и, особенно, некомбатантов, в первую очередь, гражданского населения во время войны. Женевские конвенции, с учетом опыта Второй мировой войны, собрали все прошлые договоренности в единый мощный пакет документов, которые работали на идею гуманизации средств и методов ведения вооруженных конфликтов, которые в максимально возможной для того периода степени защищали простого человека.

Работал над темой с вдохновением, переходившим в остервенение. Смолоду привык сидеть ночами над тем, что меня захватывало. Две главы на кафедре обсуждение прошли успешно. Оставалась третья, по которой собирал материал и главным в которой были сами конвенции, их анализ.

Одновременно работал в Антифашистском Комитете советской молодежи (АКСМ). Должность моя звучала загадочно и пышно: референт по Западному полушарию. На практике это означало, что предстояло изучать молодежное движение в этом полушарии, особенно в США и Канаде, с которыми тогда уже молодежные организации СССР развивали неплохие контакты.

Поскольку я знал английский, то руководство ЦК ВЛКСМ (АКСМ был в то время фактически негласным международным отделом комсомола) вызывал меня для работы переводчиком во время встреч с англо-говорящими делегациями и брал в поездки на международные встречи, где рабочим языком тоже был английский. Оказалось, что таких встреч немало, выезды становились все более частыми. Как-то после очередной трехдневной встречи в Праге секретарь ЦК ВЛКСМ уже в самолете на обратном пути сказал мне: “Готовься. Направляем тебя в Прагу в Международный союз студентов на длительную работу”.

Холодный душ на горячую голову. Я взмолился: “Вячеслав Иванович (а секретарем тогда был Кочемасов — тот самый, который потом много лет был послом СССР при Хоннекере в ГДР), подождите хотя бы полгодика. Я хочу диссертацию дописать”. “Там допишете”, — лениво махнул рукой. “И слабым манием руки на русских двинул он полки”, — так, кажется, у дорогого Александра Сергеевича?

“Дописывание” затянулось на шестнадцать лет.

А тогда далее произошло все стремительно. Через день после приезда меня пригласили на заседание секретариата ЦК комсомола, и могучий комсомольский вождь Михайлов Николай Александрович сказал: “Переводит хорошо. Знаем. Рекомендуем”. На мой лепет о диссертации никто не обратил внимания. Вожди они и есть вожди.

Знал я, что это не последняя инстанция. Думал, пока затянется оформление, я что-то успею сделать по третьей главе.

Куда там! Через три дня меня таинственно поманил пальчиком

начальник первого отдела АКСМ — старый чекист-служака Иван Иванович Возный (умер он очень давно, царствие ему небесное!):

— Зайдем ко мне.

Мы спустились к нему в полуподвал. Там было холодно, сыровато. На окнах — железные решетки. Сумеречный свет. Первый отдел — он и есть первый отдел.

Сам Иван Иванович сел за свой широченный стол, на котором ничего не было, кроме массивного старинного чернильного прибора. Меня посадил напротив. Вытащил из стола амбарную книгу. Сказал:

— Сейчас я тебе покажу одну бумагу, ты ее прочитаешь, а потом вот здесь распишешься, что ознакомлен.

Вытащил широченный ящик из своего широченного стола, взял из него бумагу и, держа ее аккуратно за края пальцами развернул передо мной. В бумаге говорилось, что принимается решение направить меня в длительную загранкомандировку в Прагу в Международный союз студентов для работы на должности главного редактора русского издания журнала “Всемирные студенческие новости”. А под текстом ездюла короткая подпись “И. Сталин”.

Так меня познакомили с решением Политбюро ЦК КПСС.

Из замешательства меня вывел голос Иван Ивановича:

— Распишись.

Делать было нечего. Расписался. А это означало, что я распрощался с дорогими моему сердцу Женевскими конвенциями

Время тогда не отличалось мягкостью. Шла “холодная война”. И каждый, кто выезжал в длительную командировку за рубеж, мог уехать только по решению Политбюро. О туристических поездках советских людей за рубеж никто и слыхом не слыхивал. Первые такие туристы, — да и то группами, — появились позднее. В одной из них потом — где-то в середине пятидесятых — поехал и я: писатели и журналисты выезжали на товарищеский матч сборных футбольных команд СССР-Венгрия в Будапешт, а заодно совершили небольшую поездку по Венгрии (Секеш-фехервар — оз. Балатон — Печ).

“Железный занавес” в 1951 году работал во всю. По делам службы в Чехословакии я занимался не только журналом, но и перед отъездом на секретариате ЦК комсомола меня утвердили собственным корреспондентом “Комсомольской правды” по Чехословакии — пришлось ездить по стране, побывать во многих ее уголках, часто писать корреспонденции в газету. А в конце 1951 года меня вызвали в Москву на совещание соборов. Летел я в самолете с одной странностью. Тогда реактивной авиации на наших линиях еще не существовало. Добротный “Аэрофлот” летал “на винтах”. Рейс Прага—Москва пролегал с тремя промежуточными посадками: в Братиславе, Львове и Киеве.

А странность состояла в том, что из Праги в Братиславу самолет летел с почти полным салоном пассажиров — в основном чиновники из Праги летели в столицу Словакии. В Братиславе, как обычно, объявляли по радио на словацком и русском языках о посадке в самолет “следующий рейсом на Львов-Киев-Москву”, и я вышел на летное поле. И тут заметил, что иду к самолету один. “Наверное, — мелькнула мысль, — все остальные уже сели, а я опаздываю”. Прибавил шагу, у трапа

стояла, как обычно, бортпроводница, я быстро взбежал по лестнице. Она за мной, и сразу же закрыла дверь. Я оглянулся. В салоне больше никого не было: ни в первом, ни в экономическом классе.

— В чем дело? — спрашиваю стюардессу.

— А Вы у нас один пересекаете границу.

— И всегда так бывает? — задал я глупый вопрос.

— Редко, чаще — больше, ну двое, трое. А бывает, что никого нет.

Во Львове я прошел таможенную и погранконтроль, а когда объявили посадку в самолет, то до Киева летели уже какие-то бабушки с мешками “На базар, там дорошчэ будэ”. А в Киеве сели до Москвы уже обычные советские “командированные”.

Так я на себе испытал, что такое “железный занавес”. “Интурист” тогда работал в одну сторону: показывали гостям из “проклятых капиталистических государств” преимущества советской системы: бесплатное медицинское обслуживание, почти бесплатное (а точнее, баснословно дешевое коммунальное хозяйство и жилье), полное отсутствие нищеты на улицах Москвы и огромные трудности в поисках уличной проститутки.

Когда я, годы спустя, вернулся к идее о написании диссертации, поезд, как говорят в России, уже ушел далеко. На эту тему уже было написано несколько кандидатских и даже докторских диссертаций. Мой любимый профессор Дурденевский умер. Пришлось менять и тему, и научного руководителя, а поскольку мне удалось уже побывать на нескольких международных встречах, связанных с ядерной энергетикой, а в Москве я работал (правда, на пол-ставки, основная была в газете ЦК КПСС “Советская Россия”) в журнале “Атомная энергия”, то и новая тема родилась само собой, она была связана с международным ядерным правом.

Но жизнь вернула меня к родным незабвенным Женевским конвенциям. В последние годы по делам журнала у нас развивалось тесное сотрудничество с делегацией Международного Комитета Красного Креста (МККК). А вся деятельность этой организации и состоит в том, чтобы, с одной стороны, добиваться претворения в жизнь всех положений конвенций, которые в последнее время все чаще именуются Краснокрестными, а с другой стороны, как можно шире пропагандировать их суть, их содержание.

Вот по поводу второго, т. е. пропаганды Женевских конвенций на территории России МККК добился больших успехов. Его представитель Стефан Хенкинс в течение нескольких лет занимался претворением в жизнь именно этой идеи пропаганды. Он организовывал несколько семинаров, посвященных рассмотрению разных сторон конвенций. Он же был основателем — отцом создания международного студенческого конкурса имени Ф. Ф. Мартенса, посвященного более глубокому ознакомлению студентов с Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами к ним, принятыми в 1977 году.

Наш журнал много и часто пишет о работе МККК. Больше того, Стефан Хенкинс по решению международного жюри был удостоен высшей награды среди юристов-международников России — ему была в номинации “Международное признание” присуждена премия имени

Гуго Гроция, которая три года назад была учреждена совместно журналом "Международное право — International law", посольством Королевства Нидерландов в Российской Федерации и Информационным центром ООН в Москве. Мы с большим удовлетворением отмечаем, что сейчас на месте Стефана Хенкинса, которого МККК перевел в Будапешт, работает энергичная и весьма компетентная в доверенных ей делах Лора Олсон. Нет, совсем не случайно, что в нашу разрушенную кризисами и военными конфликтами Россию МККК посылает самых опытных и знающих свое дело людей. Они удивляют не только своей способностью много и продуктивно работать, не только умением общаться с людьми из различных слоев общества и разных уровней знаний, но и умением выступить с лекцией, приспособленной для непростой аудитории, на темы, связанные с Женевскими конвенциями.

К 50-летию Женевских конвенций мы выпустили специальный номер журнала. Все статьи этого номера написаны специалистами высшего класса. Имеются в виду, конечно, прежде всего, авторы из Женевы, которые посвятили свою жизнь работе в МККК. Имеются в виду и наши, российские юристы-международники, которые уже не раз апробировали свои работы в печати и в государственных бумагах по поводу Женевских конвенций.

Не так давно в юридической литературе еще можно было встретить примитивистски-упрошенные наименования: "право Гааги", "право Женевы" и "право Нью-Йорка". Первые два встречались и еще встречаются чаще. Ими обозначаются правила ведения вооруженных конфликтов ("право Гааги") и защиты людей в ходе таких конфликтов ("право Женевы"), а "правом Нью-Йорка" называют защиту прав человека и в мирное время, которая берет свое начало от Устава ООН 1945 года и от Всеобщей декларации прав человека 1948 года.

К концу XX столетия, как показал опыт уходящего полувека, смешивать все "три вида" права, как это до сих пор продолжают делать некоторые юристы-международники не только не целесообразно, но даже вредно. Все люди всех специальностей признают, что страна, живущая в условиях военного времени или чрезвычайного положения, сильно отличается от ее статуса в обычной мирной обстановке. Именно для такого периода и приняты государствами Женевские конвенции. Их надо учитывать везде и всегда.

Поэтому и МККК просит не смешивать их с тем, что называется в учебниках "правами человека".

Не согласиться с этим нельзя!

В. Пархитко,
главный редактор журнала.

Статья поступила в редакцию ноябре 1999 г.